

НАЗВАНИЯ БОЕВЫХ КОРАБЛЕЙ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА В ЭПОХУ ПЕТРА I

Первая четверть XVIII в., время радикальных реформ Петра I, справедливо оценивается большинством советских историков как период, ознаменовавшийся завершением процесса оформления абсолютной монархии в России. Создание регулярных флота и армии, реформы государственного управления, финансов сопровождались заметными изменениями в культуре, идеологии общества. Исторические события той эпохи, идеология абсолютизма отразились, в частности, по-своему и в названиях кораблей Балтийского флота.

Исследование настоящего вопроса относится к сфере вспомогательной исторической дисциплины — каронимики (от греч. «кара-бос» — корабль и «онома» — имя), получившей свое развитие в отечественной историографии как раздел ономастики в сравнительно недавнее время.¹

В петровском Балтийском флоте присвоение названий наиболее сильным кораблям осуществлялось с ведома или по указанию Петра I. Об этом имеются прямые документальные свидетельства. 3 апреля 1704 г. комендант Олонецкой верфи в Лодейном Поле И. Я. Яковлев писал всеяильному царскому любимцу, губернатору Ингерманландии А. Д. Меншикову относительно фрегата, приведенного осенью 1703 г. с Сясьской верфи для достройки в Лодейное Поле: «Сяской корабль совсем в отделке, и как ему поволите название именовать...». Со слов А. Д. Меншикова была написана резолюция: «Доложить», т. е. он считал, что этот вопрос может решить только царь.² В 1705 г. Петр I писал главе Адмиралтейского приказа Ф. М. Апраксину: «Корабль, Наеп (О. Най — корабельный мастер. — П. К.) обрядить для войны... а о имени пришло впрядь».³

Названия кораблей вырезались тогда на корме. Они присваивались при освящении боевого корабля, иногда через длительное время после его спуска на воду. Однако в большинстве случаев для крупных кораблей имена намечались еще до закладки или в ходе строительства. Галерный швартбенахт И. Ф. Боцис, например, 4 мая 1704 г. отдал приказ на Олонецкой верфи вырезать у трех строящихся там галер на корме изображения апостола Петра, святого Феодора Стратилата, полководца Александра Македонского,⁴ хотя спущены на воду одноименные галеры были соответственно 21 мая,

¹ Крючков Ю. С. Названия кораблей русского флота // Судостроение. 1983. № 1. С. 50—51.

² Архив ЛОНИ СССР, ф. 83, оп. 1, д. 166, л. 1 об.

³ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1893. Т. 3. С. 382. — Далее: П. и Б.

⁴ Материалы для истории русского флота. СПб., 1865. Ч. 1. С. 32.

18 и 25 (или 29) июня 1704 г.⁵ Сохранился набросок Петра I с перечислением задуманных им 5 названий кораблей («Москва», «Ревель», «Лифланд», «Эс[т]ланд», «Ингермонланд»).⁶ который, по видимому, следует датировать началом 1712 г., поскольку 7 февраля 1712 г. царь указал заложить в Петербурге в том же году по мере поступления леса 5 линейных кораблей,⁷ причем 3 из 5 по окончании строительства действительно получили назначенные им имена, а от двух других («Лифланд», «Эс[т]ланд») Петр I отказался.

Наиболее крупным и мощным по вооружению кораблям Балтийского флота давались символические названия. Такие имена для кораблей играли роль словесной эмблемы, метафоры, суть которой раскрывалась привычным осмыслением данного образа в культурной традиции, подчеркивалась характером корабельного декора, имевшимся иногда девизом,⁸ в ряде случаев назначением корабля.

Первоначально в корабельном Балтийском флоте самыми крупными судами были фрегаты. Они и носили почетные символические имена. Первый фрегат флота, построенный в соответствии с программой строительства Балтийского флота, принятой в 1703 г., получил при освящении название «Штандарт» (спущен на воду 22 августа 1703 г.). В «Истории Свейской войны» Петр I объяснил его тем, что в 1703 г. был возвращен выход на Балтийское побережье («четвертое море присовокуплено»), что должно было быть отражено на царском штандарте.⁹ Фейерверочное действие в Москве 1 января 1704 г. объясняет символический смысл названия «Штандарт»: Нептун подвез на ладье и прикрепил к левой лапе двуглавого орла (герба России) карту «четвертого моря» — Балтийского.¹⁰ В правой лапе и клювах орла имелись карты Азовского, Белого и Каспийского морей,¹¹ к которым Россия тогда имела выход.

В названиях кораблей, одном из каналов пропаганды идеологии абсолютистской России, сливались воедино, отождествлялись личность монарха и успехи страны. В образе Нептуна, возвращающего стране «отчины и дедичи» на Балтике, нетрудно разглядеть метафорическое сравнение с Петром I. Видный государственный деятель А. А. Виниус, узнав о взятии 1 мая 1703 г. русскими войсками, с которыми находился и Петр I, шведской крепости Ниепшанц в устье Невы, уподоблял монарха в письме к нему 12 мая 1703 г. именно Нептуну: «...и северный Нептунус привлече в свою компанию к пер-

⁵ Весселаго Ф. Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб., 1872. С. 344, 345; ЦГАВМФ, ф. 177, оп. 1, д. 34, л. 25, 223^{об}.

⁶ ЦГАДА, ф. 9, отд. 2, д. 22, л. 34.

⁷ Там же, ф. 21, оп. 1, д. 27, л. 1.

⁸ Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 188; Морозов А. А. 1) Эмблематика барокко в литературе и искусстве Петровского времени // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9. С. 184—226; 2) Из истории осмысления некоторых эмблем и эхику Ренессанса и барокко (пеликан) // Миф. Фольклор. Литература. Л., 1978. С. 40—41.

⁹ Журнал, или Поденная записка... Петра Великого... СПб., 1770. Ч. 1. С. 71.

¹⁰ Васильев В. Н. Старинные фейерверки в России. Л., 1960. С. 32—34.

¹¹ ЦГАДА, ф. 9, отд. 1, д. 41, л. 1.

скому, турецкому и варяжского тритонов (тритоны у Нептуна — держанники), иже в трубы своя, по морям шествуя, вашу государскую фаму (славу. — *П. К.*) повсюду разносят». ¹² В 1718 г., когда флот России на Балтике представлял уже большую силу, на Адмиралтейской верфи Петербурга спустили на воду 88-пушечный корабль «Нептунус», название которого — в соответствии со свойственной эмблематике распространенной тогда в России культуры барокко идей двойничества и тройничества значений, их смысловых спязей, замещений — тоже воспринималось современниками как аллегория «северного Нептуна» — Петра I, создателя сильнейшего на Балтике флота. Такое толкование названия корабля «Нептунус» подтверждается, к примеру, тем, что на гранюре в честь победы русского флота в 1720 г. при Гренгаме был изображен Нептун с трезубцем, на котором, как на древке знамени, развеялся царский штандарт — атрибут российского абсолютного монарха. ¹³

Спущенные на воду вслед за «Штандартом» на Олонецкой верфи в 1704 г. фрегаты получили имена в честь событий, закрепивших Россию на берегах Балтики. Первым на воды Свири сошел 27 июля 1704 г. фрегат «Шлиссельбург». Это название не было случайным, так как именно взятие 11 октября 1702 г. крепости Нотебург (бывшего русского Орешка) в истоке Невы, переименованной Петром I в Шлиссельбург (ключ-город), было первой крупной победой русских войск в Северной войне, одержанной при личном участии царя. Обер-церомонах флота Гавриил Бужинский в «Слове», произнесенном в Шлиссельбурге в годовщину взятия крепости 11 октября 1719 г. в присутствии Петра I, так оценил значение победы: «Преименованный замок шведский в ключ российский и о коликня отворил... Сим ключем отверзл тебе ключник твой (т. е. апостол Петр, символом которого был ключ. — *П. К.*) врата нарвские, дерптские, пернауские, раковорские... море Балтийское... благополучное начало... флота российского, ключ сей — основание царствующаго С.-Петербурха». ¹⁴

Взятие Нотебурга послужило предпосылкой к дальнейшим военнополитическим успехам России 1703—1704 гг. — основанию С.-Петербурга, Кроншлота, взятию Копорья, Яма, Дерпта, Нарвы и Ивангорода. Поэтому вслед за присвоением названия «Шлиссельбург» получили имена в том же 1704 г. фрегаты «С.-Петербург», «Кроншлот», «Триумф» (6 августа), «Дерпт», «Нарва» (13 августа), «Флигель-де-Фам» (от гол. «летающая слава») (24 сентября), а 27 мая 1705 г. — «Ивангород». В честь возвращения Россией в 1703 г. древних русских городов Ижорской земли — Копорья и Яма — были названы спущенные на воду в 1704 г. шнявы «Копорье» и «Ямбург».

Процесс укрепления российского абсолютизма в первой четверти XVIII в. отразили и названия первых галер Балтийского флота —

¹² П. и Б. СПб., 1889. Т. 2. С. 538.

¹³ ОР БАН, кн. № 108 гр.

¹⁴ [Гавриил Бужинский]. Проповеди Гавриила Бужинского (1717—1727). Юрьев, 1901. С. 370—371.

крупных боевых парусно-гребных судов, экипаж которых доходил до 400 и более человек. Вполне объяснимо, почему первая из построенных на Олонецкой верфи в 1704 г. галер (ее, кстати, зыложил сам царь) получила имя «Святаго апостола Петра». ¹⁵ Феофан Прокопович, например, сопоставлял Петра I с одноименным апостолом через образ камня (Петр — по-гречески камень), ибо на нем, «яко на незыблемом основании, крепка стала Россия», через ключ — эмблему апостола Петра, хранившего ключи от рая, ибо Петр I распахнул ворота многих крепостей, открыл стране выход к Балтийскому морю, через образ деяний Петра I, ибо совершаемое им «созидание царства вельми подобное есть бывшему чрез апостолы созиданию церкви». ¹⁶ С образом Петра I — полководца были связаны названия спущенных на воду в 1704 г. галер: 18 июня — галеры «Св. Феофор Стратилат» по имени святого православной церкви, победителя огромного, страшного змея, и 25 (или 29) июня — галеры «Александр Македонский». На триумфальных вратах для встречи русских войск в Москве в декабре 1704 г. была представлена символика, связанная в том числе и с образом Петра I — Александра Македонского рубежа XVII—XVIII вв. ¹⁷ С образом России и ее монарха Петра I отождествлялось современниками название спущенной на воду 11 июня 1704 г. на Олонецкой верфи галеры «Золотой орел» (или «Аквила д'оро»), поскольку орел являлся тогда гербом и признанным символом государства. Конкретное изображение орла на корме этой галеры неизвестно, поэтому нельзя точно выяснить и символический смысл этого названия, но в изданном по указу царя в 1705 г. и широко использовавшемся в России сборнике символов и эмблем различным изображениям орла соответствовали такие девизы: «вождь и оборонитель против неприятелей», «без страха», «не гласом, но делами моими», «зрит даже до бездны», «еже аз желаю, божественно есть», «не без прибыли над неприятелем», «удобно к войне и миру». ¹⁸

Таким образом, с помощью названий упомянутых фрегатов, шняв и галер Балтийского флота прославлялись исторические достижения страны в начале XVIII в. и благодаря очевидному для современников двойственному смыслу названий одновременно возвеличивался образ монарха нового абсолютистского типа, великого полководца, строителя регулярных армии и флота, начавшего отвоевание необходимых для дальнейшего развития страны балтийских побережий.

В мае—июне 1705 г. на Олонецкой верфи были спущены на воду три галеры: «Вера», «Надежда», «Любовь». Связь этих названий по именам добродетелей с внешнеполитическими задачами России видна в содержании пьесы «Свобождение Ливонии и Ингерманландии», представление которой состоялось в феврале 1705 г. в Москве. В ней к лицам, изображавшим Ливонию и Ижорскую землю — «отчества

¹⁵ Походный журнал 1704 года. СПб., 1911. С. 2.

¹⁶ Феофан Прокопович. 1) Сочинения. М.; Л., 1961. С. 63, 64, 140; 2) Слова и речи. СПб., 1761. Ч. 2. С. 43.

¹⁷ Панегирическая литература Петровского времени. М., 1979. С. 162.

¹⁸ Символы и эмблемата. Амстердам. 1705. № 17, 142, 205, 209, 212, 260, 522.

русские», поработанные Швецией, обращаются три добродетели: Вера, Надежда, Любовь. Вера говорит: «Веруйте мне», Надежда призывает: «Надейтесь, яко свободенны будете», а Любовь обещает разжечь в их будущих освободителях стремление к этой благородной цели.¹⁹

Силу и мощь поднимавшейся России, величие деяний ее монарха отражали названия сошедших на воду в 1705 и 1707 гг. самых крупных тогда в Балтийском флоте 32-пушечных фрегатов «Олифант» (от гол. и нем. «слон») и «Думкрат». В упомянутом сборнике «Символы и эмблемата» изображениям слона соответствовали девизы: «сила моя равна благодеянию моему», «злым лих», «немала сила», «время придет»; изображениям домкрата — «силою и разумом».²⁰ У одноименных кораблей петровского Черноморского флота имелись указание в сборнике девизы: «злым лих» и «силою и разумом».²¹ В объяснении изображений на триумфальных воротах, воздвигнутых в Москве для встречи Петра I и войск 11 ноября 1703 г., говорилось, что стоящий среди убитых зверей слон «знаменует... его царского... величества силу и благополучие во бра-нех».²²

Первые линейные корабли Балтийского флота получили имена в честь русских побед в Северной войне, утверждавших международный престиж России и ее монарха. Что военные победы играли такую роль, хорошо сказал в «Слове похвальном» сыну Петра I Петру Петровичу в 1716 г. Феофан Прокопович: «... всей толкой славе основание есть: регуля воинская... за сие дело что-либо и где-либо российским оружием достохвальное содевается, содевается царем нашим, аще бы и не присутствовал тамо...».²³

В июне 1710 г. на Новолодожской верфи был спущен на воду первый линейный корабль Балтийского флота, а 1 июля — второй.²⁴ 23 июня первый из них был приведен в Петербург, куда в тот же день прибыл Петр I во главе батальона гвардии, за батальоном «волокли шведския знамена, которые взяты в Выборге». Петр I сразу же осмотрел корабль,²⁵ он был назван «Выборг» в честь взятия 13 июня одноименного города. 3 июля в Петербург прибыл второй новолодожский корабль, который называли «Рига», по свидетельству датского посланника Ю. Юля, «так как Рига сдалась тотчас после прибытия сюда этого судна». 11 июля 1710 г. в Петербург пришел из Лодейного Поля построенный там третий линейный корабль флота, который получил имя «Пернов», очевидно, только 21—22 августа.

¹⁹ Пьесы школьных театров Москвы: Ранняя русская драматургия (XVII—первая половина XVIII в.). М., 1974. С. 217, 218.

²⁰ Символы и эмблемата. № 19, 378, 459, 503, 605.

²¹ Елагин С. И. История русского флота: ПерIOD изданий. Прил. 4. 2. СПб., 1864. С. 174.

²² Пантегиринская литература Петровского времени. С. 138.

²³ Феофан Прокопович. Сочинения. С. 46.

²⁴ ЦГАВМФ, ф. 233, оп. 1, д. 1, л. 209; П. и Б. М., 1956, т. 10. С. 171.

²⁵ Походный журнал 1710 года. СПб., 1911. С. 15—18; Журнал, или Поденный записки... Ч. 1. С. 253.

когда на берегах Невы стало известно о падении Пернова и праздновалось его взятие.²⁶

15 июня 1712 г. Петр I спустил на воду в Петербурге им же самим заложенный 6 декабря 1709 г. самый мощный тогда в Балтийском флоте 54-пушечный корабль, названный им в честь знаменитого сражения «Полтава». Корабль должен был служить своеобразным памятником, прославлявшим этот триумф русского оружия. В пышном декоративном убранстве кормы корабля, в частности, имелись две опрокинутые ударами молний и летящие вниз фигуры²⁷ — аллегорические изображения Карла XII и Мазепы. Сам Петр I сравнивал в письмах 27 июня 1709 г. из лагеря под Полтавой предпринявшего поход в Россию Карла XII с мифическим Фавтоном, не справившимся с огненной колесницей Гелиоса и поверженным Зевсом молнией с небес в море: «И единым словом сказать: вся неприятельская армия Фавтонов конец восприняла. . .». ²⁸ Феофан Прокопович в «Слове» о победе под Полтавой говорил, что царь тогда «двоих змиев, две лютыя ехидны. . . швейскую и изменническую. . . умертвил. . .». ²⁹

Князь А. Д. Меншиков для прославления великой Полтавской победы и полководческого искусства Петра I использовал тот факт, что сражение произошло в день св. Сампсония-странноприимца, назвав построенный по его заказу в Голландии в 1710—1711 гг. фрегат, подаренный им затем Петру I в Балтийскому флоту, «Св. Самсон», проведя таким образом сравнение Петра I не со св. Сампсонием, а с библейским Самсоном, разрывающим пасть льва. Такое опосредованное сравнение было понятно и естественно для современников. Еще на вратах для торжественного вступления царя с войсками в Москву в конце 1703 г. по отношению к Петру I были приведены следующие сравнения: «Паче Сампсона сильнейший, паче Соломона мудрейший, паче Александра доблестнейший, новый российский державы Геркулес, лва шведскаго землеко и морем устрашитель и укротитель. . .». ³⁰ В 1709 г. Феофан Прокопович в Киеве в присутствии Петра I в похвальном «Слове» по случаю Полтавской победы говорил: «Растерзал еси, аки вторый Самсон (не без смотра же, мню, божия и в день сей Самсона случися победа твоя), мужественне льва швейскаго». ³¹ Отметим, что у 70-пушечного корабля петровского Черноморского флота «Самсон» был характерный девиз: «дерзновение, с силою смешанное». ³²

Название 18-пушечной шнявы «Диана», спущенной на воду в 1712 г. на Новоладожской верфи, могло иметь в зависимости от идейной направленности ее корабельного декора двойное толко-

²⁶ Юль Ю. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709—1711). М., 1899. С. 238—239.

²⁷ Кушты корабельные. СПб., 1718. Л. 2.

²⁸ П. и Б. М.; Л., 1950. Т. 9, вып. 1. С. 227—233.

²⁹ Феофан Прокопович. Сочинения. С. 36.

³⁰ Панегирическая литература Петровского времени. С. 142.

³¹ Феофан Прокопович. Сочинения. С. 36.

³² Елагин С. Н. История русского флота. С. 174.

вание. Так, изображенные на московских триумфальных воротах конца 1703 г. античные боги Аполлон и Диана, расстреливающие «претордых» многочисленных сыновей Инобы — в переносном смысле шведов, являлись символом «денного и ночного прилежания и неустрашимых крепости его царского пресветлаго величества воинов». ³³ На торжественных же воротах, воздвигнутых в столице в конце 1704 г., была изображена нимфа Диана, похищаемая львом (символ Швеции), который поражался стрелой, пущенной не знающей промаха разгневанной богиней Дианой. Похищаемая Диана на воротах 1704 г. была аллегорией захваченной шведами почти на столетие Ижорской земли. В свою очередь богиня Диана символизировала «российския его царского величества силы», освободившие Ижорскую землю от шведского владычества в 1702—1704 гг. ³⁴

1 мая и 27 июня (в годовщину Полтавской битвы) 1715 г. были спущены на воду 64—70-пушечные корабли «Ингерманланд» и «Москва», 21 октября 1717 г. — 68-пушечный «Репель». Эти названия прославляли выход России к Балтике. Первый в России трехпалубный 90-пушечный корабль, спущенный на воду в 1718 г., в год десятилетия победы под Лесной, где русскими войсками командовал Петр I, получил имя «Лесное».

В честь первой большой морской победы стремительно достигшего славы сильнейшего на Балтике российского флота был назван в 1719 г. самый мощный тогда во флоте 92-пушечный корабль «Гангут». Имя этого корабля прославляло не только победу, но и флотоводческий гений Петра I, который своими действиями создал необходимые для нее условия, а в самом сражении командовал решившим исход дела авангардом русских скампавей. 27 июля 1721 г., в годовщину побед в Гангутском и Гренгамском сражениях, происшедших в день св. Пантелеймона, был спущен на воду названный в их честь 66-пушечный корабль «Пантелеймон-Виктория». ³⁵

Близкий к адмиралтейским кругам современник писал, что 66-пушечный корабль, спущенный на воду 30 мая 1719 г., в день рождения Петра I и памяти св. Исаакия Далматинского, предполагалось назвать «Исаак», но, так как именно в этот день в Петербург пришло известие о захвате русской эскадры под командованием Н. А. Сенявина в упорном сражении в открытом море шведских линейного корабля, фрегата и шлюпа, корабль получил имя «Исаак-Виктория». ³⁶ Образ св. Исаакия Далматинского тесно связывался с образом Петра I. 30 мая 1717 г. Гавриил Бужинский в присутствии царя, царицы и высших должностных лиц проповедовал: «...яко же подражающа орлу небесному истинный птенец его св. Исаакий, тако и в день его рожденный орел российский — воистину птенец орла небеснаго... Петр I...». ³⁷ Не был загадкой для современников

³³ Панегирическая литература Петровского времени. С. 137—138.

³⁴ Там же. С. 156.

³⁵ Материалы для истории русского флота. СПб., 1865. Ч. 2. С. 612.

³⁶ История российского флота в царствование Петра Великого. СПб., 1897. С. 54.

³⁷ [Гавриил Бужинский]. Проповедь... С. 67.

и символический смысл названия 88-пушечного корабля, сошедшего на воду 5 июня 1720 г., — «Северный орел» (или «Норд адлер»).

С именем главы государства связывались у современников и названия двух построенных в 1710 г. в Архангельске для Балтийского флота 32-пушечных фрегатов — «Св. Петр» и «Св. Павел», — данные по именам небесных покровителей Петра I (его крестили в день святых апостолов Петра и Павла). Как символ триумфа внешней и внутренней политики Петра I должно было восприниматься название 88-пушечного корабля «Св. Петр», сошедшего на воды Невы 5 октября 1721 г., вскоре после подписания Ништадтского мирного договора со Швецией, в один из дней памяти апостола Петра (также и св. Петра-митрополита, первого московского епископа и святого).

3 февраля 1721 г. в Петербургском адмиралтействе состоялся спуск на воду 88-пушечного корабля «Св. Андрей» (Первозванный). Название «Св. Андрей» было как бы синонимом названия «Св. Петр», так как апостол Андрей был братом апостола Петра и считался как бы русским национальным двойником апостола Петра — «апостолом севера», ибо он посетил Восточную Европу и, согласно «Повести временных лет», был на Киевских горах и в Новгороде, предсказал великое будущее Руси.³⁸ Апостол Андрей являлся для Петра I небесным покровителем наряду с апостолами Петром и Павлом. Обращает на себя внимание смысловая близость формул «св. Андрей Первозванный» и «Петр Первый».³⁹

5 марта 1721 г. на палубе только что спущенного на воду 88-пушечного корабля, нареченного «Фридемакер» (от гол. «миротворец»). Петр I заявил прибывшему с посреднической миссией заключения мира между Россией и Швецией французскому послу Ж. Кампредону: «... я хочу, чтобы он («Фридемакер». — П. К.) так или иначе, но способствовал миру».⁴⁰ Французский морской комиссар и консул в Петербурге А. Лави сообщал на родину, что название «Фридемакер» широко обсуждалось в петербургском обществе.⁴¹ Это говорит о той идейной нагрузке, которую несли тогда имена многих кораблей. Вероятно, было и личностное толкование названия «Фридемакер» применительно к особе Петра I, всеми силами приближавшего окончание Северной войны. Эту версию подкрепляют действия императора 31 января 1722 г. в Москве на торжествах по поводу подписания Ништадтского мира. Тогда по улицам старой столицы был провезен на санях корабль под названием «Фридемакер». Судя по гравюре с изображением этого события, он совсем не напоминал одноименный корабль Балтийского флота. Устроители шествия стремились подчеркнуть роль Петра I в приближении ми-

³⁸ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого: (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 240.

³⁹ Вилинбахов Г. В. 1) Отражение идей абсолютизма в символизме петровских эмблем // Культура и искусство России XVIII века. Л., 1981. С. 15, 16; 2) Основание Петербурга и имперская эмблематика // Учен. зап. Тартус. ун-та. 1984. Вып. 664. С. 49.

⁴⁰ Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 40. С. 192.

⁴¹ Там же. С. 198—199.

ра: паруса на корабле юнги ставили и меняли по командам царя.⁴²

В честь подписания Ништадтского мира — одного из главных достижений петровской России — построенный в Роттердаме для Балтийского флота 56-пушечный корабль «Роттердам» был переименован в «Ништадт».⁴³

Одним из проявлений абсолютной власти Петра I было присвоение кораблям Балтийского флота в качестве названий имен членов его семьи. В 1713 г. вошел в строй 60-пушечный корабль «Св. Екатерина», в 1721 г. это имя было передано новому 74-пушечному кораблю. Гавриил Бужинский в праздник св. великомученицы Екатерины 24 ноября 1718 г. в проповеди, описывая добродетели великомученицы, восклицал, подобострастно указывая на Екатерину: «...аще желаете зрети образ ея, се вам истинное ея изображение и живой образ всех ея добродетелей... Екатерина Алексеевна».⁴⁴ Подобные сравнения делал и Феофан Прокопович.⁴⁵ Голландский посланник де Вильде прямо писал, что корабль постройки 1721 г. назван «по имени... царицы»,⁴⁶ а Ж. Кампредон указывал, что он был ей «подарен» Петром I,⁴⁷ т. е. она должна была опекать этот корабль. С именем сестры Петра I Натальи Алексеевны, большого друга царя, следует, по нашему мнению, связать название галеры (1707 г.) и одноименной шнявы (1712 г.) — «Св. Наталия». В честь дочерей Петра I Анны и Елизаветы получили имена небольшие суда — яхты «Принцесса Анна» (заложена в 1719 г.) и «Принцесса Елизавета» (1723 г.).

В отразившейся в названиях кораблей официальной пропаганде абсолютистского государства помимо деяний и личности монарха, членов его семьи нашлось в силу множественности и в данном случае триничности символики барокко место и для всесильного А. Д. Меншикова. К числу таких названий относится наименование 74-пушечного корабля «Св. Александр Невский» постройки 1717 г., которое современники связывали не только с именем Александра Невского, но и Петра I, и также А. Д. Меншикова. Феофан Прокопович в «Слове похвальном» А. Д. Меншикову, произнесенном 9 декабря 1709 г. в Киеве, восклицал: «Чудное воистину смотрение! Аки бы отродился нам Невский оный (другой — П. К.) Александр: тожде имя, таяжде храбрость, тожде благочестие, единой и тожде земли (Ижорской. — П. К.) обладатель, единого и тогожде народа супостатского победитель». Одновременно оратор заявлял, что видит в Александре Меншикове образ «державнейшаго Петра», которому в его лице и поклоняется.⁴⁸ С име-

⁴² Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 год. М., 1858. Ч. 2. С. 70—71.

⁴³ Anderson R. Ch. Naval wars in the Baltic during the sailing-ship epoch 1522—1850. London, 1910. P. 205, 206; Материалы для истории русского флота. Ч. 2. С. 534, 617—618, 637.

⁴⁴ [Гавриил Бужинский]. Проповеди... С. 274.

⁴⁵ Феофан Прокопович. Сочинения. С. 74.

⁴⁶ Материалы для истории русского флота. Ч. 2. С. 546.

⁴⁷ Сб. РИО. Т. 40. С. 285.

⁴⁸ Феофан Прокопович. Слова и речи. СПб., 1760. Ч. 1. С. 71—73.

нем А. Д. Меншикова следует связать также название «Фридрихштадт», данное в 1721 г. 96-пушечному кораблю, как писал современник англичанин, в честь победы русских войск под его командованием в Голштинии.⁴⁹

При Петре I Россия прошла важный, переломный этап в своем развитии: от огромной страны, отрезанной соседями от ранее принадлежавших ей выходов к морям, с нерегулярным войском, без военного флота, с отсталой системой управления и органом сословного представительства — Боярской думой к одной из великих держав Европы, имеющей большое влияние на международные дела, образцовую регулярную армию, самый мощный среди балтийских держав военный флот, к стране, ускоряемой в своем развитии неограниченной властью абсолютного и просвещенного монарха — Петра I, закономерно получившего в 1721 г. титул Великого. Вехи этого пути, нашедшие свое выражение в победах российского оружия на суше и море, в основании новых городов, крепостей и гаваней, в возвращении земель по берегам Балтики, в Ништадтском мирном договоре и завершении формирования абсолютной монархии в стране, получили отражение в названиях кораблей петровского Балтийского флота, пропагандировавших эти достижения через призму идеологии абсолютизма.

⁴⁹ История российского флота. . . С. 59.